

Глава 15. Часть четырнадцатая

Услышав из уст Сюнь Юя сухое «Сикун Цао», Цао Цао замер, поражённый до глубины души. Прежде тот звал его не иначе как «господин Цао» или «Мэн Дэ», а сам он обращался к нему — «Вэньжо».

Шесть лет назад он ещё не был владыкой, единолично правившим обширными землями, а Сюнь Юй ещё не носил громкий титул «господина Сюнь Лина». Тогда он был просто Цао Цао, Цао Мэн Дэ, а тот — Сюнь Юем, Сюнь Вэньжо.

Под его безучастным взглядом Цао Цао медленно подошёл ближе. Посмотрев на него сверху вниз, он протянул руку и нажал на рану, из которой всё ещё сочилась кровь. Когда он отнял пальцы, на подушечках алела свежая кровь.

От прямого прикосновения к ране Сюнь Юй невольно вздрогнул и чуть повёл головой, но, вовремя вспомнив о своём положении, подавил желание отстраниться, смиренно застыв перед господином.

Потирая пальцем кровавый след на ладони, Цао Цао с непонятным чувством приподнял лицо Сюнь Юя за подбородок.

— Вэньжо, я верю тебе, — медленно проговорил он.

Стоило ли радоваться? Но почему тогда на губах не играла улыбка? Стоило ли горевать? Но почему тогда в глазах не было слёз? Прежние клятвы всё ещё звучали в ушах, но мир вокруг изменился до неузнаваемости. В нынешней ситуации даже такой выдающийся ум, как у Сюнь Юя, зашёл в тупик.

Он всё же отстранился, уклоняясь от руки Цао Цао, и вытер рукавом пятна крови с лица. Медленно поднявшись, он произнёс без тени эмоций:

— Если Сикун Цао полагает, что моё спасение в тот день — лишь плод сговора с Чжан Сю, то мне нечего добавить. — Сюнь Юй почтительно склонился, как делал это всегда. — Он просит дозволения удалиться.

Цао Цао долго смотрел ему в спину, пребывая в каком-то оцепенении. Ему почудилось, что походка советника стала едва заметно неровной, словно тот прихрамывал. Опустившись в кресло, он тяжело вздохнул. «Верно, я ошибся, — подумал он. — Все эти шесть лет кто помогал мне советами, кто делил со мной тяготы, кто дарил утешение и покой? Не он ли, Сюнь Вэньжо? Если бы он хотел предать меня, зачем было ждать до сегодняшнего дня? Сколько раз я оказывался на краю гибели, и лишь его решимость и замыслы спасали меня в последний миг. Как я мог усомниться в его помыслах?»

«Без Вэньжо я бы, верно, уже давно не занимал это место», — Цао Цао горько усмехнулся собственной подозрительности.

Не Вэньжо изменился, и не он перестал понимать своего верного друга. Скорее Цао Мэн Дэ перестал узнавать того себя, что теперь звался «владыкой». Глядя на расплывшееся по полу багровое пятно, он чувствовал, что совершил нелепую, горькую ошибку, напрасно ранив того, кто был ему дорог.

Позже, когда они встретились вновь, рана Сюнь Юя уже затянулась. Тонкий шрам скрывался за прядями волос, и, если не приглядываться, его было почти не заметить. Однако Цао Цао понимал: чтобы вернуть прежнее доверие, потребуется куда больше времени. Теперь Сюнь Юй оживал, только когда речь заходила о государственных делах. В остальное же время его состояние можно было описать одним словом — безмолвие.

Возможно, со стороны господин Сюнь Лин казался прежним: тихим и спокойным, как безупречный нефрит. Но Цао Цао видел — это не спокойствие, а мертвенная тишина, идущая из самой глубины сердца. Он не знал, что скрывается в этих глазах, глубоких, словно тёмные омуты, как не знал и того, чего Сюнь Юй желает больше всего на свете. Цао Цао не был глуп; он понимал, что любые оправдания лишь посыпáт солью незажившую рану. Он не бездействовал — он ждал случая, который позволил бы навсегда изгладить этот рубец из памяти.

Спустя некоторое время до Цао Цао дошли слухи: тогда, во время бегства к Уйиню, Сюнь Юй и Сюнь Ю не присоединились к нему не из злого умысла. Оказалось, в Сюнь Юя попала шальная стрела, повредив голень почти до самой кости. Теперь, в холодную пору, старая рана изводила его тягучей, непрекращающейся болью. Услышав об этом от Сяхоу Юаня, Цао Цао весь вечер простоял на плацу. Глядя на заходящее солнце, он вспомнил тот день и едва заметную хромоту уходящего Сюнь Юя. Теперь он знал причину, но в сердце теснились лишь печаль и запоздалое раскаяние.

Сумерки сгущались, птицы возвращались в гнёзда. Глядя на них, он вдруг вообразил, что огромный, пылающий багрянцем диск солнца испепелит этих крохотных существ, не оставив от них и следа.

Мир внезапно погрузился во тьму.

Вновь наступил холодный ноябрь. Огромное войско покинуло уезд Сюй, направляясь к Ваньчэну — месту, которое Цао Цао не мог забыть. Перед выступлением он, сидя в седле, наблюдал за вторым сыном, провожавшим отца у городских ворот. Там же, в толпе, он заметил и того, кто стоял неподвижно, словно гладь застывшей воды, и молча смотрел ему вслед.

Они уходили за победой. Это был не просто очередной поход, а затянувшаяся заупокойная месса.

С неба посыпалась редкая снежная крупа. В снежной мгле Цао Цао развернул коня, ведя

армию вперёд, под мерный грохот сапог и конских копыт.

Говорят, на ошибках учатся. Цао Цао не собирался падать там же, где оступился прежде. На этот раз он и его воины приложили все силы. Одним махом они взяли Хуян, пленив Дэн Цзи, военачальника Лю Бяо, а затем победоносно вошли в Уйинь. Казалось, позор смыт, а бывшее величие восстановлено. Единственным, что омрачало его радость, был Чжан Сю. Тот не обладал великим талантом полководца, зато мастерски чуял запах поражения и, не колеблясь, снова ускользнул в самый последний миг.

Война ещё не была окончена, и месть ещё не свершилась до конца.

В день возвращения в уезд Сюй как раз пришлась годовщина смерти Цао Ана. Всё поместье вновь погрузилось в траурную тень былого года. У кенотафа Цао Ана Цао Цао встретил госпожу Дин — приёмную мать, любившую юношу как родного сына. Они замерли, глядя друг на друга, но затем сухо отвернулись. Совершив обряд в полном молчании, он увёл домочадцев. Он понимал: со смертью сына порвалась и последняя нить, связывавшая его с этой женщиной.

Цао Пи, следовавший за отцом, обернулся. Госпожа Дин стояла на пронизывающем весеннем ветру, и её дрожащие плечи выдавали безмерное, горькое одиночество. Мальчик перевёл взгляд на идущую рядом родную мать. В его сердце шевельнулась неприязнь — он не любил эту женщину за её холодность, но ещё больше он ненавидел тень торжествующей улыбки, застывшую на её лице в эту минуту.

Нахмурившись, Цао Пи незаметно отстал от свиты и вернулся к могиле брата.

Госпожа Дин вздрогнула от звука шагов.

— Пи-эр? — удивилась она.

Цао Пи почтительно поклонился и протянул ей небольшую, изящно сработанную деревянную шкатулку.

— Что это? — в замешательстве спросила она, не решаясь взять дар.

— Брат подарил её мне перед смертью, — негромко ответил он.

Услышав, что это вещь Цао Ана, госпожа Дин схватила шкатулку, прижав её к груди как величайшее сокровище. Её руки мелко дрожали.

— Ты отдаёшь её мне? Но как же ты сам?..

Цао Пи отвёл взгляд, борясь с нахлынувшими чувствами.

— Брат любил вас, матушка, и вы платили ему тем же. Теперь, когда его нет, я не могу допустить, чтобы у вас не осталось о нём никакой памяти. Если вы будете тосковать день и ночь, душа брата не обретёт покоя.

Госпожа Дин не ожидала, что именно этот ребёнок, к которому она сама была не слишком ласкова, проявит к ней такое сострадание. Её сердце дрогнуло, она опустилась на колени и крепко прижала Цао Пи к себе, заливаясь слезами.

— Ты отдал мне частицу памяти о нём... — всхлипывала она. — Но как мне быть спокойной? Вы с Цзысю были так близки...

Цао Пи стоял неподвижно, позволяя ей обнимать себя.

— В моём сердце брат жив, — тихо проговорил он. — А потому мне не нужны осязаемые напоминания.

Она отстранилась и посмотрела на него. Перед ней стоял ребёнок, чьи слова и поступки были совсем не детскими. Госпожа Дин вдруг горько улыбнулась, не находя слов.

Снова низкий поклон.

— Прошу вас, матушка, утишите скорбь. Берегите себя ради брата. Я уйду.

Цао Пи не плакал. Он обещал брату стать сильным и полезным человеком. Лишь на мгновение он пожалел, что отдал подарок брата другому, но тут же сказал себе: Цзысю, будь он жив, одобрил бы этот поступок. Да и разве чувства к брату можно уместить в какую-то вещицу? Их привязанность пустила корни в его сердце, она текла по его жилам. Пока жив хоть один из них — их связь не прервётся.

Сухие цветы могут поблёкнуть со временем, но истинная память становится лишь ярче.

Глядя вслед уходящему мальчику — такому чуткому и в то же время такому холодному, — госпожа Дин бессильно опустилась на землю.

— Оказывается, я, мать, понимаю Цзысю куда меньше, чем его младший брат, — прошептала она сквозь слёзы.

Весенний ветер был остер, как ножницы, но он уже не мог вернуть ту нежность и отвагу, что ушли навсегда.

В те дни никто не заметил, как за всем происходящим издали наблюдал Сыма И. В нём шевельнулось странное, почти злое желание сорвать эту маску твёрдости с Цао Пи, чтобы

увидеть его настоящую, уязвимую душу. Но то был лишь мимолётный порыв юношеской дерзости — он пришпорил коня и умчался прочь, забыв об этом на долгие годы.

Дни в уезде Сюй летели незаметно. Не успели оглянуться, как пришло время нового похода.

За два дня до выступления Го Цзя снова завалился к Сюнь Юю, чтобы утащить того пить вино. Сюнь Ю наблюдал за тем, как его дядю буквально волоком вытаскивают за дверь, и не знал, смеяться ему или плакать. Этот Фэнсяо... едва в армии учредили должность военного советника-цзицзю при Сикуне, как Цао Цао тут же отдал её ему, но Го Цзя и не думал меняться. Всё так же делал что хотел, прихватывая с собой Сюнь Юя. «Впрочем, — подумал он, провожая их взглядом, — так даже лучше. Пока рядом такой человек, в дяде теплится жизнь. Пусть радости в нём мало, но это лучше, чем мертвенное оцепенение».

Когда солнце уже клонилось к закату, Цао Цао вернулся с плаца. Увидев Сюнь Ю, ждущего в главном зале, он удивился:

— Гунда? Что привело тебя сюда?

Сюнь Ю поклонился и со вздохом ответил:

— Дело в том, что советник Го пригласил моего дядю выпить. В итоге оба напились до бесчувствия. Фэнсяо не может вспомнить, где его дом, а в нашем поместье как раз идёт ремонт, так что...

Цао Цао поставил чашку с чаем и нетерпеливо взмахнул рукой:

— Где они?

— Э-э... — Сюнь Ю замялся. — Советник Го вцепился в моего дядю и наотрез отказывается уходить из кабака.

— Этот Фэнсяо совсем распустился! — Цао Цао нахмурился. — Веди.

— Слушаюсь. — Глядя на помрачневшее лицо господина, Сюнь Ю втайне вытирал пот и беззвучно молился за непутёвого Го Фэнсяо.